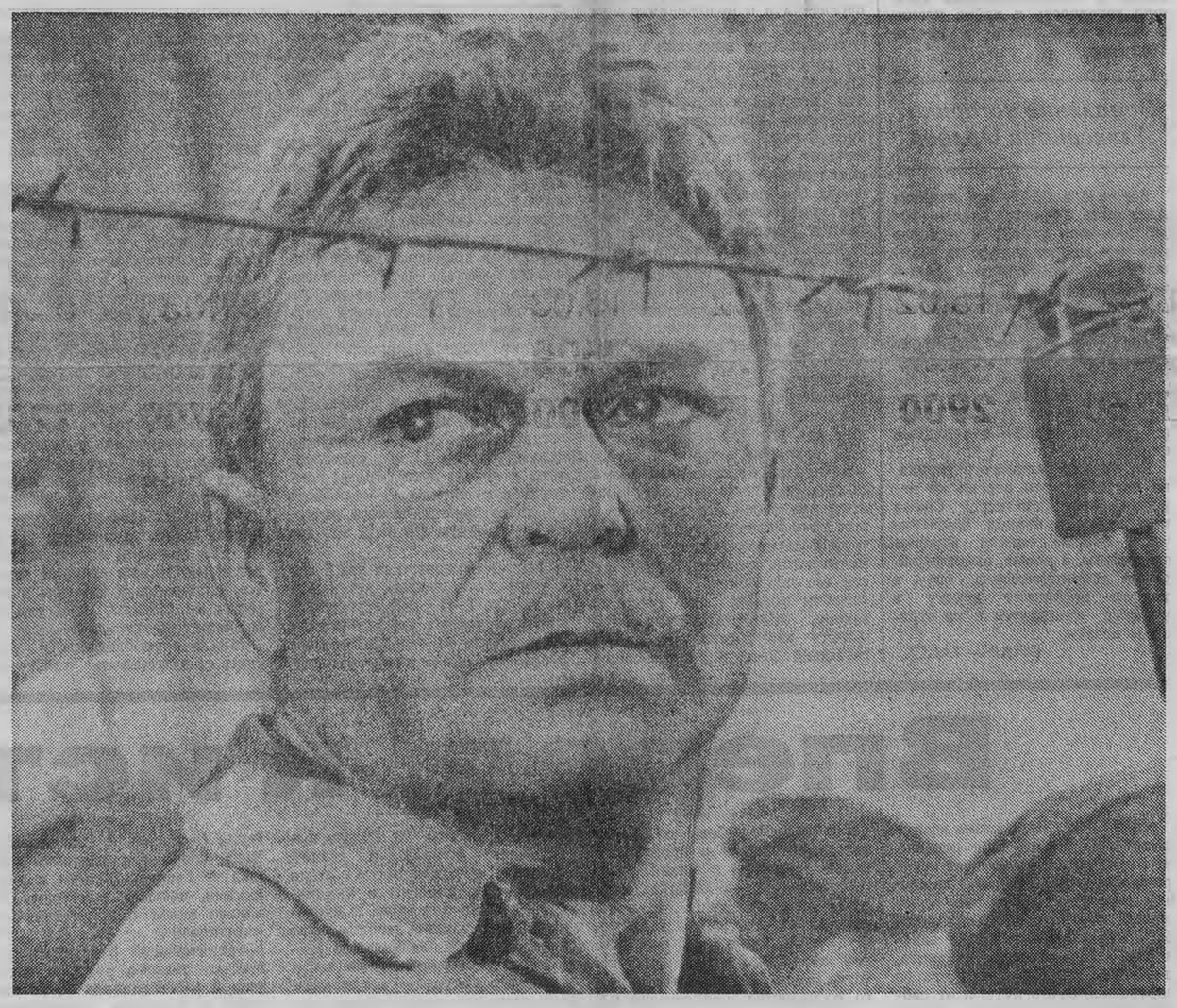
Сергей БОНДАРЧУК:

«Варварское разрушение прошлого жестоко мстит будущему...»

Живой классик отечественного и мирового кино. Не будет ни малейшего преувеличения, если сказать так о Сергее Бондарчуке. От природы богато одаренный, страстно любящий искусство и отдающий ему все силы, он сумел мощно и ярко реализовать свой талант. Мы немало знаем о его легендарно сложившейся творческой биографии, о крупнейших, самых престижных наградах, которыми увенчаны его создания. Гораздо меньше известно — по вполне понятным причинам — о напряженной внутренней жизни этого выдающегося художника. Между тем она проникнута глубоким драматизмом. Горечь неравнодушного, страдающего человека — в его мыслях о сегодняшнем состоянии родной страны и родной культуры.



— Среди наиболее волнующих киновпечатлений мне по-особому дорога одна сцена из «Судьбы человека». Разговор Андрея Соколова с Ванюшкой в кабине машины. «А знаешь, Ванюшка, кто я? Я — твой отец». — «Папка! Родненький! Я знал... я знал, что ты меня найдешь!» Сколько раз смотрел этот фильм — и всегда не могу в этом месте сдержать слез. Всегда испытываю подлинный катарсис — высокое очищающее чувство. Скажите, Сергей Федорович, как такое искусство рождается? От литературы идет оно, от режиссера или от актера?

— Здесь великая литература, великий писатель. Это, конечно, прежде всего. Ну и кинематограф со своими средствами подключился. Помню, когда Шолохов посмотрел материал и увидел крупный план Соколова, он сказал: «Мне потребовалось бы написать шесть-семь страниц, чтобы выразить то, что я увидел в этом крупном плане».

Он любил кинематограф, и в этой работе я очень часто советовался с ним. Помогли многие мысли и наблюдения Шолохова. Он и к этой роли меня подготовил. Я ему показывал материал. Словом, у меня было то, чего сейчас не хватает,— человек, о котором постоянно думаешь в работе: как это воспримет Шолохов?

— Вроде высший судья?

— Да, да. Когда картина уже была смонтирована, он, посмотрев, заплакал, ничего не сказал и ушел. Мы даже не знали, понравилось ему или нет. Потом я ему позвонил, говорю об этом. А он в ответ: «Да я рассопливился...» Он высоко оценил эту работу.

Когда есть литература великая, хочется в меру своих возможностей сделать если не такое же, то во всяком случае достойное кино. Я помню, Ванюшка, то есть Павлик Борискин, исполнитель этой роли, с трудом осваивался перед камерой. Иногда его поставишь, а он падает. Не выдерживал напряжения. Ну а тут я ушел с ним в степь, втроем ушли — звукооператор, он и я, и в течение многих часов я буквально выбивал из него эту фонограмму: «Папка! Родненький! Я знал...» А потом сгусток отобрал из этих нескольких часов записи — самое лучшее, что он смог. Это не озвученное, как часто бывает, другой, профессиональной актрисой-травести. Наверное, точность интонации воздействует.

— Большая тема — искусство и нравственность. Как соотносятся для вас эти понятия? Ведь сегодня многие творцы разделяют их совершенно, даже противопоставляют. Искусство становится все более безнравственным, и общество — тоже.

— Многое из того, что мне удалось сделать в кино, связано с большой литературой. А большая литература, как правило, преследует высокие нравственные цели: помочь людям полюбить жизнь, стать добрее, чище, достигнуть душевного единения, понять, откуда и зачем человек, куда он уходит... Толстой это называл так: значительное содержание, важное для жизни людей. Он считал главной задачей искусства объединять людей в добре. Сейчас же такое значительное содержание в нашей литературе почти отсутствует.

Кино начинается со сценария, то есть с литературы, а она подменена макулатурой. Макулатурная литература. Ее можно не читать или, прочитав, тут же выбросить. Не оставляет она в душе доброго следа. Довлеют цинизм, обращение к самым низменным свойствам человека. И это служит разрушению. Идет разрушение человека, разрушение культуры, разрушение страны. Если в таких условиях даже обратиться к настоящей литературе — вот я завершаю «Тихий Дон» для телевидения и кино, — я не уверен, как это будут воспринимать на фоне нынешнего нашего телевидения, которое часто напоминает мне сумасшедший дом.

— Вы против перемен, происходящих в российском обществе?

— На днях я перечитывал «Опыты» Монтеня. Так вот этот французский просветитель высказывает там мысль, которую позже выразил и наш Пушкин. Устами Бориса Годунова, дающего перед смертью последний наказ сыну-наследнику: «Не изменяй теченья дел. Привычка — душа держава».

Я много думаю об этом. Об уважении к традициям — народным и государственным. Нет, я не против перестроек и реформ. Они бывают нужны. Но — выверенные, разумные, не с бухты-барахты! А обращаясь к истории и к нашим сегодняшним дням, удивляешься, как быстро люди всё забывают и повторяют прежние ошибки.

Чтобы переделать жизнь в стране, причем к лучшему, надо быть гением. Что-то таких гениев в руководстве нашем я не вижу. Правят страной невежество и дилетантизм.

В искусстве тоже дилетантизм господствует. Неглубокое знание предмета, своей профессии. Сказывается и отсутствие здравых критериев при оценке сделанного. Целая армия критиков нацелена на уничтожение, а не на созидание. Если и дальше так продолжится, будет катастрофа. Народ окончательно потеряет себя и уже не поймет, где истинное искусство, а где — подделка, где его обманывают нагло, где пытаются вернуть его в пещеру, а не наоборот — поднять к звездам.

— Но чем же, на ваш взгляд, порожден этот кризис, который переживает сегодня наше искусство, в том числе родное для вас кино?

— Истоки нашего глобального кризиса — в отношении к прошлому. Ведь прошлое — это фундамент любого общества, любой культуры. А что бывает с домом, если фундамент развалить? Вот и разваливается здание российской духовности, которое веками в неимоверных трудах возводили наши предки. Кто не дорожит своей историей, тот непременно — рано или поздно — несет суровое наказание судьбы. Варварское разрушение прошлого жестоко мстит не только настоящему, но и будущему. Отказ от завещанного нам великого наследства обедняет не только нас, но и грядущие поколения. Мы же от такого бесценного богатства отказались, в одночасье забыв его, перечеркнув, наплевав на него!

— Говорят, новаторство требует смелости.

— Невозможно прыгнуть с первого этажа на двадцатый. По ступенькам иди. Или на лифте поднимайся. И то он не сразу взлетает, а проходит второй, третий, четвертый этажи и так далее. Есть законы. В искусстве они есть, как в любом другом деле. Надо их знать и им следовать. У нас же стремятся всё сразу перевернуть с ног на голову. И результат печальный.

— Это называется «революционный подход». Вы ведь помните: перестройка с самого начала была провозглашена новой революцией. Только я думаю, как бы ни относились нынче к Октябрьской революции...

— Я занимался темой Октябрьской революции.

— Да, фильм «Красные колокола»... Но моя мысль вот в чем. Октябрь вызвал невиданный подъем искусства. Достаточно сказать, что в 1925 году, восемь лет спустя после революции, на экраны вышел великий «Броненосец «Потемкин», признанный мировой киноэлитой лучшим фильмом всех времен и народов. На подходе был уже первый том «Тихого Дона». А у нас что создано за восемь лет после 1985-го? Невольно задумаешься: в чем же дело? Нет ли здесь повода поговорить о вдохновляющей силе общественных идеалов? У Толстого я прочитал: «Идеал — это путеводная звезда». Октябрьская революция все-таки выдвинула идеалы справедливости и добра, которые вдохновляли людей искусства. Особенно молодых. А что может вдохновить художника сегодня? Лозунг «Вперед к победе капитализма!», который один бойкий пародист, а ныне рьяный политолог то и дело провозглашает?

— Ну, мы знаем, что такое капитализм. Это не рай. Поэтому кричать в картине: «Дорогой капитализм! Приди, я люблю тебя, я восхищен тобой, я буду тебя воспевать!» — такого и у них там не бывает.

Что же касается отображения событий наших дней художниками... Наверное, тут действует еще и закон, который открыл учитель Ленина — Плеханов. У него есть великолепные работы по искусству. И вот он говорит, что для создания подлинно великого произведения о тех или иных событиях художнику нужно определенное расстояние во времени от них. Пока все это отлежится, осмыслится. Конечно, нужны не только большие события, но и большой художник. Например, чтобы в искусстве отобразить трагические события у «Белого дома»... Потребовалось ведь не только время — потребовался гений Толстого, чтобы силой его пера Бородинское сражение получило такое глубокое и яркое художественное воплощение — навеки!

— Дистанция во времени для художественного осмысления исторических событий, наверное, требуется. Однако плеяда талантливейших советских кинорежиссеров, создавших выдающиеся произведения о революции и гражданской войне, появилась сразу после Октября. Да и целый ряд замечательных артистов, писателей, поэтов, живописцев, музыкантов...

— Что ж, вы правильно сказали: была великая идея — преобразование общества на началах справедливости. Художники в нее поверили. Для них это стало сильнейшим творческим стимулом. Для очень многих.

А ныне... «Деньги решают всё». Вот вам и стимул. Ну какую картину я могу сделать, вдохновляясь таким, с позволения сказать, идеалом? «Деньги — это политика, политика — это деньги». А я знаю, что деньги — это грязь. Как же я буду возводить в идеал власть денег?

— Между тем сейчас именно это и внедряется. Пожалуйста, по телевидению маленькая девочка лепечет: «Я стану во-от такой миллионершей!» Культ денег. Наживы. А человеческая отзывчивость и самоотверженность, бескорыстие и душевная щедрость — все это не в чести. Стало как бы старомодным и у многих вызывает даже снисходительную усмешку. Недавно я писал о московском пенсионере Василии Исаевиче Молчанове, который, обменяв двухкомнатную квартиру на однокомнатную и получив миллион рублей, отдал этот миллион на строительство музея маршала Жукова. Так об этом человеке газеты, кроме «Правды», даже словом не обмолвились. Не герой нашего времени!

— Сегодня и сам Жуков для многих не герой. Вы же знаете: такие гадости пишут про человека, который по существу спас Отечество. И места для памятника на Красной площади он, конечно, в представлении этих людишек недостоин. Жванецкого там, наверное, надо поставить...

— Вернемся, Сергей Федорович, к кинематографу. Вот сейчас на том же телевидении параллельно идут такие рубрики: «Наше старое кино» и «Наше новое кино». Новое кино — это, к примеру, «Бабник». Старое — «Весна на Заречной улице». Мнето ясно, насколько это старое кино лучше нового. Однако некоторые критики пытаются убедить меня и других в обратном. Внушают, что у нас примитивная ностальгия, что понятие «советское кино», как и советская культура в целом, будто бы выпадает из мирового культурного процесса. А что вы об этом думаете? Советов уже нет, Советскую власть похоронили и отпели. А советское кино осталось?

— Конечно. О нем много доброго можно сказать. И, будьте уверены, скажут еще! Для меня же особенно важно, что в лучших своих работах это — кинематограф реализма.

Разумеется, художник далеко не всегда думает о методе, которому он следует. Когда Шолохова спросили, каким методом он писал «Тихий Дон», Михаил Александрович ответил: «Я не думаю об этом. Я просто пишу. А насчет метода социалистического реализма спросите у Фадеева». Который к тому времени уже застрелился...

Словом, важен не метод, а художественный результат. Время определяет значимость той или иной работы. Только время. Вы упомянули «Весну на Заречной улице». Сколько лет уже прошло, а ведь смотрят люди с удовольствием. И с добрым чувством. Пусть наивность картины в чем-то очевидна, но... Есть талант и есть искренняя человечность, которые преодолевают время. Если в основе фильма не конъюнктура, а вечные человеческие чувства, ему годы не страшны. Так и у нас и, скажем, у американцев. Вон «Унесенные ветром» с каким успехом до сих пор идут.

— Хотя вполне традиционалистский фильм. Нет там никаких новаторских изысков. Это опять к вопросу о традициях и новаторстве.

— Новаторство — иногда опасная вещь. Смотря как его понимать. Если как вседозволенность, дров много наломаешь. Был, например, такой архитектор Посохин. Построил в Кремле Дворец съездов. Когда ему говорили, что он корежит Москву, наверное, стыдился внутренне. Отбивался: «Это не я, это Хрущев». Однажды мы с ним встретились в ЦК — я тогда выступал против неосторожной реконструкции старого здания МХАТа, боялся, что там уникальную акустику порушат... И вот сказал Посохину: «В Бразилии захотели возвести новую столицу — и построили ее на пустом месте. Так бы и нам: руки чешутся — давайте искать гладкую площадку для реализации своих гениальных замыслов».

— Нигилизм в обличье новаторства... Я все вспоминаю злосчастный пятый съезд Союза кинематографистов СССР 1986 года. Когда и вас с упоением уничтожали, и других наших выдающихся мастеров старшего поколения.

— Дело не во мне. Кинематограф разрушили. Посмотрите на «Мосфильм»: мертвое заведение! В таком состоянии он встретил свое 70-летие — поистине черный юбилей. А перспективы? Один павильон сдать под гараж, другой — под фабрику чулок... И это происходит на студии, где было сделано столько прекрасных, обошедших весь мир фильмов! Беда, что государство отвернулось от кинематографа, как и от всей культуры. Сегодня у нашего государства нет идеологии, а кино — это все-таки идеология.

— На недавнем втором съезде Союза кинематографистов России атмосфера была уже совсем иная, нежели тогда, в 1986-м. Ощущение такое, что многие спохватились, образумились. Видимо, не случайно докладчик Сергей Соловьев извинился перед старшим поколением. Не случайно, по-моему, вас избрали первым заместителем председателя Союза кинематографистов. Время собирать камни?

— В заметном изменении атмосферы я вижу добрый знак. На доверенном посту буду стараться сделать все возможное для своих коллег. Но, боюсь, наших, общественных усилий недостаточно, чтобы спасти российское кино. Здесь не обойтись без серьезного изменения государственной политики в отношении культуры.

— Кого из российских кинорежиссеров выделяете сегодня?

— Никита Михалков, я считаю, успешно работает. Не только в кино — и как общественный деятель, патриот. Таланкин интересно поставил «Бесов». Данелия не сдается. Говорухин громко заявил о себе...

— Говорухин и в политическую борьбу основательно втянулся. А вы, как я замечаю, политики избегаете.

— Возраст сказывается. Если бы помоложе был... А так — надо делать то, что умею. Фильмы.

Увы, многие талантливые режиссеры фильмов сейчас не ставят. Вот Элем Климов. Я так ждал его «Мастера и Маргариту». Однако работа эта, к величайшему сожалению, не состоялась. Или Жалакявичус, очень крупный мастер. «Никто не хотел умирать» — классика. Он одно время работал на «Мосфильме», в нашем объединении «Время». Но Литва теперь стала самостоятельным государством, а кино там уже нет.

— Горько. Нет больше литовского кино, грузинского, киргизского... А какие это были яркие национальные кинематографические школы, известные во всем мире! Вы украинец по рождению, но жили и работали в основном в Москве. Хочу спросить: какие у вас нынче ощущения — в связи с разъединением Украины и России? Слышал недавно на юбилейном вечере Юрия Бондарева, с каким глубоким чувством читали вы стихи Тараса Шевченко...

— Россия и Украина настолько близки, что разъединить их невозможно. Что бы ни делали, как бы ни старались, сколько бы ни кричали о самостийности. Жить нам порознь — противоестественно. Я не только с болью это воспринимаю. Я такое просто не могу понять.

О своем национальном самочувствии могу сказать словами Гоголя: «Скажу вам, что я сам не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой».

— Связи с Украиной у вас сохранились?

— Я не изменил своего отношения к людям, которых знаю много лет, с которыми работал. Они остались близкими мне. Дружу, например, с режиссером Николаем Мащенко, у которого снимался в «Оводе». Теперь он не у дел. Да все киностудии в бывших союзных республиках фактически перестали существовать. А ведь это действительно было уникальное явление — наши национальные кинематографии. Было у нас взаимопонимание, постоянный обмен идеями и опытом, всепроникающий ток крови. Каждый режиссер из республик мог снимать на «Мосфильме», а мы — на Украине или в Белоруссии, в Армении или в Казахстане... Теперь вот погибает и такой уникальный организм, как Театр-студия киноактера. Такого не было нигде в мире. Он служил прекрасным испытательным полигоном для кинематографических режиссеров и актеров. Давал им работу в период вынужденного простоя на студиях, радовал интересными спектаклями.

— Впервые я увидел вас вживе, Сергей Федорович, именно на этой сцене. В 1952 году, когда был студентом. Это после грандиозного успеха фильма «Тарас Шевченко». Вы читали знаменитый монолог Тараса и играли не менее знаменитую сцену с Марком Бернесом.

— В этом театре я сыграл одну из своих первых ролей — в спектакле «Смерть Пазухина». Здесь шла и «Молодая гвардия» в постановке Сергея Герасимова — театральный вариант известного фильма.

— Больно читать, что происходит с Театром-студией киноактера сегодня. Его вытесняют коммерческие организации. Занял место в его стенах ресторан, цены в котором, конечно, не по карману актерам. Они вынуждены подрабатывать билетерами и гардеробщиками. Трагедия замечательного актера Георгия Юматова, которая поразила нас, — это ведь в значительной степени результат равнодушного отношения государства к судьбам художников, к нашему величайшему национальному достоянию.

— Да, это ужасно. Другого слова не подберешь.

— Умер Николай Афанасьевич Крючков. Теперь, после смерти, его назвали эпохой в нашем кино. Справедливо. Но при жизни он, оказывается, получал пенсию в 75 тысяч рублей. Только незадолго до смерти выхлопотали ему какую-то особую, президентскую. А у вас, Сергей Федорович, какая пенсия, если не секрет?

— 80 тысяч... Николай Крючков — актер великий, как и недавно ушедшие от нас Евгений Леонов, Олег Борисов. Могу сравнить его с Жаном Габеном. Или с Анной Маньяни. Но их хоронили как национальных героев, в присутствии президента, правительства, а у нас все берет на себя актерская гильдия. Хорошо еще, что на Новодевичьем место нашлось. Помню, даже властный Гришин, первый секретарь МГК и член Политбюро, не мог решить этот вопрос, когда я пробился к нему после смерти Василия Макаровича Шукшина. У нас, дескать, осталось на Новодевичьем всего семь мест, да он и не народный артист СССР... Всё ранги, субординация. Хотя речь-то шла о народном артисте в полном смысле.

— Раньше была цензура, сковывавшая художника, но тем не менее появлялись великие произведения искусства. Сейчас — полная свобода, цензуры нет, но и великих произведений нет тоже. Почему, как вы думаете?

— Великое рождалось порой через сопротивление цензуре. Как бы против течения. А художественный совет, по-моему, и сегодня нужен.

— Об этом даже Александр Розенбаум в «Известиях» написал, назвав свою статью вызывающе: «Тоскую по цензуре». Пишет так: «Если бы мне несколько лет назад сказали, что я захочу возродить художественные советы и цензуру, расценил бы как неудачную шутку. А я действительно мечтаю об уважающем культуру министре культуры, профессиональных редакторах на телевидении, компетентных худсоветах, принимающих концертные программы, исходя исключительно из их художественной ценности».

— Да потому, что художественный, профессиональный уровень падает — дальше некуда. От художественных советов отказались как от принадлежности тоталитарного прошлого. Но это же абсурд! Впрочем, что там худсоветы — от системы Станиславского отказались. Величайшие художники мира тянутся к театральной школе, а у нас ее разрушили. Ведь это же уникальная система, которая дает возможность актеру развиваться, расти, совершенствоваться. Ее разрушили, а ничего не создали взамен. Вот и получается, что у нас в театре, в кино — дилетанты, дилетанты, дилетанты...

— Вы завершаете «Тихий Дон». Это третье ваше обращение к Шолохову — после «Судьбы человека» и «Они сражались за Родину». Между тем отношение к этому писателю сейчас тоже, мягко говоря, неоднозначное. И третируют его, и снова ставят под сомнение авторство «Тихого Дона». Скажите, что для вас значит Шолохов?

— Для меня он, говоря словами Гете, врожденный гений. Я много раз внимательнейшим образом прочел от корки до корки все, что он написал. И, думается, имею право судить. А ненависть к Шолохову у некоторых объясняется, уверен, элементарным чувством зависти. Потому что сами не смогли достигнуть таких художественных вершин.

Я провел с Шолоховым немало времени, поэтому могу сказать: даже в повседневном общении человек он был гениальный. Это было абсолютно очевидно. Вот сидел передо мной гений. Рассказывал. Так, как он рассказывал, никто другой не мог. Так, как он давал оценки событиям и людям, тоже не мог никто. Неспроста же он сразу и всеохватно покорил при встрече такого одареннейшего и умнейшего человека, как Шукшин.

А «Тихий Дон» писал он всю жизнь. Все время возвращался и что-то совершенствовал. Такая высочайшая требовательность к себе — тоже свойство гения. Леонид Леонов несколько десятилетий спустя после первого издания полностью переписал своего «Вора». И сейчас, когда печатается его новый роман «Пирамида», 95-летний Леонид Максимович звонит в издательство и просит: у меня там есть на такой-то странице такое-то слово — замените, пожалуйста...

— А как вы относитесь к обвинениям в адрес Шолохова, что он приспосабливался к режиму? Вас ведь в том же обвиняют. Он — как бы официальный писатель, вы — официальный режиссер.

— Может, он и шел на какие-то компромиссы. Великий художник в частностях, по-моему, имеет право себе это позволить. Но он никогда не изменял своим убеждениям. Никогда.

Помню, показал я ему сценарий «Они сражались за Родину». А там был опущен монолог во славу красного знамени. Как он возмутился! Еле мы его с сыном Михаилом Михайловичем успокоили.

— А не смущает вас, Сергей Федорович, что ваш «Тихий Дон» создается на иностранной базе и основные актеры — иностранцы? Григорий — англичанин, Аксинья — француженка...

— Не было у меня возможности осуществить в нынешних условиях эту мою заветную мечту на отечественной базе. Увы! А ведь это была и мечта Шолохова — чтобы появился максимально полный телевариант «Тихого Дона».

— Сколько будет серий?

— Десять. Осталось озвучить, записать музыку. Но для этого тоже нужны деньги большие. Вот продюсер мой итальянский их сейчас ищет.

— Вы хорошо знаете современное западноевропейское кино. Какие процессы там сейчас происходят?

— В Италии — примерно то же, что у нас. Вытеснение отечественного кино американским. И во Франции. Да везде. Но там все-таки пытаются ограничить экспансию американских и вообще иностранных фильмов, что и у нас давно надо бы сделать. Государство берет там отечественное кино под свою опеку. Например, студия «Чинечитта» в Италии — государственная.

— Напомню одну уже довольно давнюю вашу мысль — она относится ко времени работы над «Степью»: «Чем больше сделал художник, тем обычно печальнее он. Печаль рождается от сознания того, что прошли годы, и он, анализируя свои произведения словно бы со стороны, как правило, разочаровывается во многом... Слава Богу, постоянно ощущаю, что главное мною еще не сделано». А есть ли теперь у вас это ощущение и как относитесь к созданному в прошлые годы?

— Многое переделал бы. Видишь: можно было сделать лучше, сильнее. С годами взыскательность к себе возрастает. Не сочтите за нескромность обращения к таким именам, но Микельанджело сказал, что в 90 лет он только постиг азбуку искусства. А Чаплин выразился так: всей жизни не хватает, чтобы сделать один шедевр. По природе я максималист. Мечты мои были безумные: и «Божественная комедия», и «Фауст», и Александр Македонский, и жизнь Толстого. Хотелось снять и картину на современную тему без сценария.

— Как без сценария?

— Был такой режиссер бразильский — Кавальканти, который снимал картины без сценария и без профессиональных актеров. Великие картины. Допустим, облюбовал он поселок, где находится шахта, и вот он там живет, присматривается, изучает. Находит героев, постепенно складывается сюжет... У меня был уже на примете один колхоз рыболовецкий на Азовском море, который я хорошо знаю. Думаю, сегодня так и нужно снимать на современную тему.

— А как обстоит дело с «Тарасом Бульбой»? Тоже мечта вашей жизни.

— Недавно хотел обратиться к Президенту Украины с этой идеей. Да потом махнул рукой: пожалуй, ему сейчас не до Тараса Бульбы — Черноморский флот надо делить...

Вообще с Бульбой мне фатально не везло. Уже было решение украинского ЦК об этом фильме, уже начал снимать — и вдруг картину закрыли. Польский вопрос. Я встречался с Гереком на «Мосфильме», когда он туда приезжал во главе польской делегации. Говорю: вот мне не дают «Тараса Бульбу» снять. Да, отвечает, сейчас это действительно сложно, однако обещаю вам вернуться к этому через пять лет. Но... вскоре его сняли.

— Извините, коль зашла речь о сильных мира сего, позвольте задать такой вопрос: со Сталиным вы встречались? Были всякие разговоры про особое его отношение к вам, когда вас, тридцатилетнего исполнителя Тараса Шевченко, сразу произвели из заслуженных артистов РСФСР в народные СССР. Через ступеньку, так сказать, да еще в таком молодом возрасте — факт беспрецедентный.

— Со Сталиным ни одной встречи не было. Сын его Василий как-то завез к себе. Пил он крепко, а мне пришлось соответствовать. Он даже вдруг погрозил пальцем, подмигнув: «Смотри, отец этого не любит». Затем пошли фильм какой-то смотреть, и он тут же заснул. Я все переживал, как бы чего с ним не случилось.

— Еще мне рассказывали, будто парижская газета, высоко оценив ваш фильм «Война и мир», сделала одно замечание: Бондарчук допустил неточность, показав Наполеона в очках. А потом опровергла себя, когда профессор Сорбонны отыскал документы, подтверждающие, что Бонапарт действительно носил очки.

— Это было. Я стремился к точности в исторических фильмах. Во время съемок «Войны и мира» комендант Кремля повел меня в кремлевские подвалы. Натыкаемся на ящик. Длинный такой. Спрашиваю: «Что там?» Никто ответить не может. Вскрыли — статуя Наполеона, которую, как выяснилось, он привез с собой, чтобы установить в Кремле. Эта статуя трижды появилась потом в фильме.

— Вы говорили, что в нынешней трудной действительности для вас все дороже такая ценность, как семья. Жена ваша Ирина Константиновна Скобцева — известная актриса, дети тоже пошли в искусство. Но — каждый своей дорогой. Дочь Наталья, ставшая кинорежиссером, ищет себя в русской теме. В прошлом году вышел ее фильм, поставленный по «Житию Сергия Радонежского» и рассказу Лескова «Зверь». Интересная работа. Я даже о ней небольшую рецензию в «Правде» напечатал. Другую вашу дочь, Елену, я видел в театре, и она показалась мне тонкой актрисой. А вот сын Федор вышел в преуспевающие клипмейкеры — так, кажется, это называют. Делает рекламные ролики. Не шокирует это вас?

— То, чем он занят, он делает хорошо. Недаром ему дали за его клипы самую высокую награду. Кроме того, он ведь не раз снимался как актер. Думаю, готовит себя к большой постановке, к серьезной режиссерской работе в художественном кино. Надеюсь, это осуществится. Есть примеры. Дэвид Лэнч, американец, сделал сотни этих самых клипов. А затем пошел в большую режиссуру и стал одним из ведущих мастеров. Этот клипмейкерский опыт, оказывается, может быть полезен. Дает чувство ритма, времени, знание монтажа.

— Вот мысль Толстого, вынесенная вами в эпиграф фильма «Война и мир»: ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто вроде бы. Однако не получается пока. А как вы считаете, может получиться?

— Хочу верить. Вспомните, как объединились люди во время Великой Отечественной войны...

Прежде всего мысль Толстого относится к сфере государства. Люди порочные — это ведь в его представлении люди, составляющие власть. И это звучит сегодня архизлободневно.

— Но на какой основе может состояться сегодня объединение честных людей?

— На нравственной. Патриотической. Национальной. Не побоюсь так сказать, ибо то, что происходит сейчас, уже составляет угрозу нации. Она может полностью деградировать, нас действительно загонят в пещеру. В пещеру дикого капитализма, где люди будут грызть друг другу глотки и вырывать друг у друга кусок хлеба. Как было на Кубани в страшный голодный год—1933-й, воспоминания о котором меня преследуют.

Да, сейчас нависла реальная угроза нации, о чем и Говорухин в своей последней книжке говорит. Чтобы одолеть эту угрозу, требуются объединение и мощные, дружные усилия массы людей. А их будто усыпили. Апатия какая-то овладела ими. Равнодушие. И это страшно.

— Наверное, устали люди.

— Довели их до такого состояния, дабы можно было делать с ними что угодно.

— Мы беседуем, Сергей Федорович, в преддверии немеркнущего праздника — Дня Победы. Вы солдат, фронтовик. Тема Великой Отечественной проникновенно звучит в прекрасных ваших фильмах. Примите самые сердечные праздничные поздравления от «Правды».

— Спасибо.

Беседу вел
Виктор КОЖЕМЯКО.

● Кадр из фильма «Судьба человека». В роли Андрея Соколова — Сергей Бондарчук.